

Многие поэты разных эпох утверждали, что время нелинейно. Кто-то сравнивал его с янтарным шаром. А Велимир Хлебников видел во времени «микропроколы», в которые можно попадать. И, если вспомнить его многочисленные предсказания и воплотившиеся видения, то почему бы и не попробовать вслед за ним попасть в один из таких «проколов»?

...И вот мы уже в Политехе шестидесятых. Зал, натурально, полон. Физики и лирики блещут набриолиненными проборами. У входа конная милиция в португезах. На сцене, естественно, Евтушенко. Но почему-то не «красивый, двадцатидвухлетний», а теперешний (впрочем, бурно отметивший в том же Политехе свои 65).

А еще на сцене — Бродский. И тоже образца девятидесятых. То есть совсем не «рыжий». Вот уж с какой сцены он — независимо от состояния причеки — никогда не выступал! Да и в компании с Евтушенко — тем бо-

лее. Почему же мое воображение соединило их?

Просто с его помощью я попал на авторский вечер Дениса Новикова — к сожалению, невозможный ни тогда, ни теперь: он и родился-то в конце шестидесятых, и нобелевского лауреата нет в живых, и Евгений Александрович все больше американцев учит...

Между тем Евтушенко и Бродский — те два поэта, никогда не жаловавшие друг друга, которые тем не менее совершенно совпали в оценке стихов Дениса и первыми из мэтров увидели и признали его поэтический

дар. Так что именно вечер Новикова мог бы их на время примирить...

Тут сделаю эгоцентрическое отступление в духе шестидесятников. Ваш покорный слуга, не будучи мэтром, распознал лирический талант семнадцатилетнего Дениса раньше Евтушенко и Бродского. Просто раньше встретил. И тоже, между прочим, благословил. А то что не «в гроб сходя»... Почему-то в российском восприятии это резко снижает цену благословения. Что вовсе непонятно: благословить и остаться потом наблюдателем за деяниями благословленного, по-моему, куда ответственнее и даже опаснее. Однако, что касается Новикова, все мои ожидания он пока более чем оправдывает.

Но вернемся в Политех на вечер Дениса. Сравнимый с ним ростом и ранним дебютом Евтушенко скромно сидит на сцене. Он просто один из

выступающих наряду с более молодыми Мариной Кудимовой и Андреем Черновым.

А вступительное слово говорит Иосиф Бродский. Если не знать, что «все врут календари», можно отметить, что это эссе о стихах Д. Новикова и вообще о новом поэтическом поколении он написал в январе 1995-го — за год до своей смерти. И оно стало послесловием к нью-йоркской (изд-во «Эрмитаж») книге Дениса...

Но мы-то сейчас в янтарном шаре времени, где все, что однажды произошло, происходит снова и снова и «странные сближения» уже не удивляют.

Итак, мы на вечере поэзии, которая «существует и ни в зуб ногой» даже в поколении, ударенном роком и коммерциализацией всей страны.

● Олег ХЛЕБНИКОВ

Россия

...плат узорный до бровей
А. Блок

Ты белые руки сложила крестом,
лицо до бровей под зеленым хрустом,
ни плата тебе, ни косынки —
бейбольная кепка в посылке.
Износится кепка — пришлю тебе паранажу,
за так, по-соседски. И что я скажу,
как сын, устыдившийся срама:
«Ну вот и приехали, мама».

Мы ехали шагом, мы мчались в боях,
мы ровно полмира держали в зубах,
мы, выше чернил и бумаги,
писали свое на рейхстаге.
Свое — это грех, нищета, кабала.
Но чем ты была и зачем ты была
яснее, часть мира шестая,
вот эти скрижали ласты.

Последний рассудок первач помрачал.
Ругали, таскали тебя по врачам,
но ты выгрызала торпеду
и снова пила за Победу.
Дозволь же и мне опрокинуть до аны,
теперь не шестая, а просто одна.
А значит, без громкого тоста,
без иста, без веста, без оста.

Присядем на камень, пугая ворон.
Ворон за ворон не считая, урон
державным своим эпатажем
ужо нанесем — и завяжем.

Подумаем лучше о наших делах:
налево — Маммона, направо — Аллах.
Нас кличут почившими в бозе,
и девки хохочут в обозе.
Поедешь налево — умрешь от огня.
Поедешь направо — утопишь коня.
Туман расстилается прямо.
Поехали по небу, мама.

1992 г.

Его хоронили всего,
всего полтора человека:
Володя Шувалов — калека
и бывший начальник его.

Он умер от сердца, хотя
при жизни о сердце не думал.
Он был вообще как дитя,
а стало быть, рано он умер.

1985 г.

А мы, Георгия Иванова
ученики не первый класс,
с утра рубя искали рваного,
а он искал сердешных нас.

Ну, встретились.
Теперь на Бронную.
Там, за стеклянными дверями,
цитату выпали коронную,
сто грамм
с достоинством прими.

Стаканчик бросовый,
пластмассовый
не устоит пустым никак.
— Об Ариостовой и Тассовой
не надо дуру гнать, чувак.

О Тассовой и Ариостовой
преподавателю блесни.
Полжизни в Гомеле
наверстывай,
ложись на сессии костыми.

А мы — Георгия Иванова,
а мы — за Бога и царя
из лакированного наново
пластмассового стопаря.

...Когда же это было,
Господи?
До Твоего явления нам
на каждом постере
и простыне
по всем углам и сторонам.

Еще до бело-сине-красного,
еще в зачетных книжках «Уд»,
еще до капитала частного.
— Не ври. Так долго не живут.

Довольно горечи и мелочи.
Созвучий плоских и чужих.
Мы не с Тверского —
с Бронной неучи.
Не надо дуру гнать, мужик.

Открыть тебе секрет
с отсрочкою
на крутосветный перелет? —
Мы проиграли
с первой строчкою.
Там слов порядок был не тот.

Он все еще не прочитан, потому что не соблазнен

Поэт Денис Новиков не в моде.

Это делает честь поэту, но не публике

Евгений ЕВТУШЕНКО:

В отличие от поэтов моего поколения период его ученичества остался невидимым для читателей, потому что он начал печатать с двадцатилетнего возраста уже профессионально отшлифованные стихи. Такое впечатление, что у него врожденное, а не приобретенное мастерство...

Новиков, как и его ровесники, попал в ту пору, когда поэту, чтобы стать национально известным, надо вступить в соревнование и с политическими бурными событиями, и с усталостью внимания соотечественников к чему бы то ни было, в том числе и к литературе.

Однако мне кажется, что ни Новиков, ни его ровесники вступать в это соревнование не намеревались, довольствуясь ролью неамбициозных профессионалов...

Марина КУДИМОВА:

Денис не прочитан, потому что несоблазняем. Я говорю о моде и конъюнктуре, которые сегодня питают критику. Он неуместен — вот еще один признак подлинности. В последнее время Денис стал писать жестче и серьезнее. У Новикова присутствует высокая мера ответственности за слово как действующее и управляющее начало.

Это качество столь редкое, что подпорки вроде врезок Бродского и изданий в культовом «Пушкинском фонде» вызывают отторжение. Но это — либо личное дело поэта, либо так понятное нынче отсутствие выбора. Появление Новикова, его эволюция вызывают изумление и гордость одновременно. Как посмел? И — как смел, в смысле — отважен. Только бы вытерпел всю эту катавасию...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

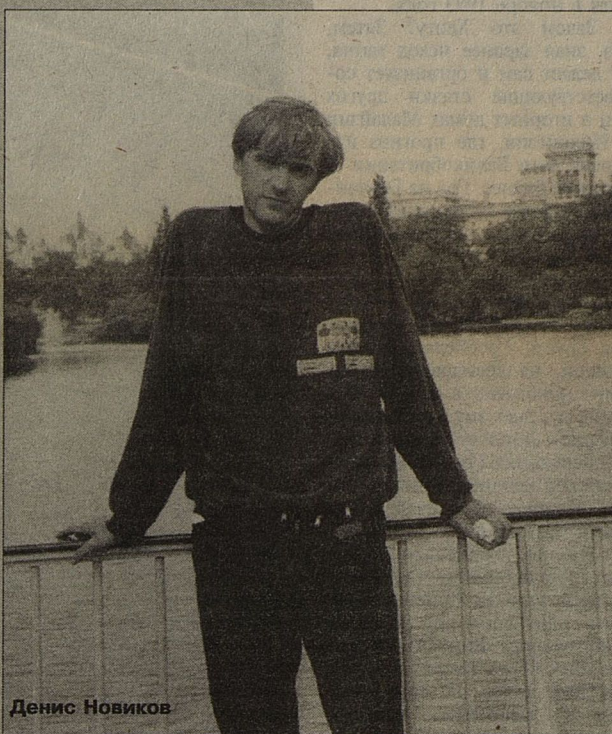
...От поколения, стоящего на пороге нового тысячелетия, не говоря — на развалинах породившего всех нас миропорядка, естественно ожидать если не визионерства и попыток заглянуть в будущее, то во всяком случае качественно нового мироощущения.

Говоря жестко, современная русская поэзия читателя своего этим не балует. Обобщения — вещь опасная и применительно к явлению столь перенасыщенному, как наша литература конца XX века, — тем более. Тем не менее подозрение, что преобладающей ее тональностью является тональность трагико-нигилистическая, становится все более навязчивым. <...>

Стихи Дениса Новикова привлекают прежде всего полной автономностью их дикции. Лексический их состав хронологических сомнений не вызывает, сообщая об авторе куда больше, чем метрическое свидетельство. Биография поэта — не в обстоятельствах места и времени, тем более не в предисловии,

но в качестве его слуха, который первый определяет поэтом этим произносимое. Выбор слов всегда выбор судьбы, а не наоборот, ибо определяет сознание читающего, но еще в большей мере пишущего; сознание, в свою очередь, определяет бытие.

В случае Новикова — и в случае его поколения вообще — словарный состав определяет еще и небытие. Новиков — чистый лирик, и стихи его совершенно безадресны. Он говорит не «от имени», и трудно представить аудиторию, ему аплодирующую: то, к чему поэзия наша опять-таки сильно привыкла за минувшие десятилетия. И безадресность эта, в свою очередь, избавляет читателя от хронологических сомнений. Голос Новикова — голос человека в раздробленном, атомизированном обществе, где поэт более не антипод государя или власти вообще и поэтому лишен гарантии быть услышанным, не говоря — пещедала. В этом смысле голос Новикова — голос из будущего, как, впрочем, и из прошлого, ибо он в высшей степени голос частный.

Денис Новиков

Поэзии нашей, судя по всему, придется к этой: то-нальности привыкнуть. <...> В способности к заключению заведомо трагического материала в скобки как самоочевидного и комментария не заслуживающего — большое достоинство, человеческое и поэтическое, Дениса Новикова.

За скобками звучит речь человека не слишком веселого, но свободного. Свободного прежде всего от надежды на успех и от ощущения значительности своей роли поэта. <...>

Новиков, безусловно, не новатор — особенно в бульварном понимании этого термина, но он и не архаист — даже в тыняновском. Средства его — средства нормативной лексики русской поэтической речи, как они сложились у нас за 250 лет существования нашей изысканной словесности. Они его вполне устраивают, и владел он ими в совершенстве, уснащая свою речь изрядной долей словаря своей эпохи. Это может вызвать нарекания пуристов, упрёки в засорении языка, рисовке и т. п. На деле же лексический материал, употребляемый Нови-

ковым, есть современный эквивалент фольклора, и происходящее в его стихах есть по существу процесс освоения вышеупомянутых средств нашей изысканной словесностью, процесс овладения новым языковым материалом. <...>

Разумеется, сознание нынешней публики сильно засорено терминологией авангарда. Но авангард на сегодняшний день есть по существу термин рыночный, ни метафизический, ни семантический нагрузки ныне не несущий. Говоря грубо, концепция авангарда приемлема в начале или в середине столетия, но никак не в его конце; тем более — в конце тысячелетия. Авангард — по сравнению с чем? Сегодня это не более чем вывеска лавочника, стремящегося привлечь покупателя, и на этот лавровый лист Новиков, думается, не претендует. <...>

От стихов Новикова возникает ощущение пера, движущегося с ускорением души, преодолевающей тяготение эпохи и биографии, души, уступающей тяготению волье.

● Иосиф Бродский
Январь 1995 г.

Караоке

Обступает меня тишина,
предприятие смерти дочернее.
Мысль моя, тишиной внушена,
порывается в небо вечернее.
В небе отзвука ищет она
и находит. И пишет губерния.

Караоке и лондонский паб
мне вечернее небо навело,
где за стойкой услужливый краб
виски с пивом мешает, как велено.
Мистер Кокни кричит, что озяб.
В зеркалах отражается дерево.

Миссис Кокни, жеманясь чуть-чуть,
к микрофону выходит на подиум,
подставляя колени и грудь
популярным, как виски, мелодиям,
норовит наготову сверкнуть
в подражании дивам юродивым

и поет. Как умеет поет.
Никому не жена, не метафора.
Жара, шороху, жизни дает,
безнадежно от такта отстав она.
Или это мелодия врёт,
мстит за рано погибшего автора?

Ты развеял мое горе, развеял,
успокой Аполлона Есенина.
Так далеко не ходит сабвей,
это к северу, если от севера,
это можно представить живой,
спиртом спирт запивая рассеянно.

Это западных веяний чад,
год отмены катушек кассетами,
это пение наших девчат
пэтэушниц Заставы и Сетуни.
Так майлав и гудбай горячат,
что гасить и не думают свет они.

Это все караоке одне.
Очи карие. Вечером карие.
Утром серые с черным на дне.
Это сердце мое пролетарии
микрофоном зажмут в тишине,
беспардонны в любом полушарии.

Залечи мою боль, залечи.
Ровно в полночь и той же отравой.
Это белой горячки грачи
прилетели за русскою славою,
многим в левую вложат ключи,
а Модесту Саврасову — в правую.

Отступает ни с чем тишина.
Паб закрылся. Кемарит губерния.
И становится в небе слышна
песня чистая и колыбельная.
Нам сулит воскресенье она,
и теперь уже без погребения.

Андрей ЧЕРНОВ:

— Когда год назад на лестнице в бывшем КБ Лаврентия Берии (сейчас там один из московских издательских домов) Денис Новиков прочитал мне стихотворение «Караоке», я сказал ему, что без этих стихов не обойдется ни одна поэтическая антология XX века.

Я и сейчас так думаю. Просто есть вещи, которые, едва появившись на свет, становятся классическими. Они могут нравиться, могут не нравиться, но отличаются высокой пробой.

1996

Бродят стайками, шайками сироты,
инвалиды стоят, как в строю,
Вкруг Кремля котлованы повырять,
здесь постройка мечту не мою.
Реет в небе последняя летчица,
ей остался до пенсии год.
Жить не хочется, хочется, хочется,
камень точится, время идет.

Новиков Денис

94/1